

Если бы он был омегой, он бы уже пометил его, и тот начал бы течь при одном только его виде, чувствуя его феромоны и впадая в состояние возбуждения. На лице юноши, которое сейчас выражало наглость, появились бы признаки страсти.

Цинь Цзыму слегка потемнел взгляд, глядя на следы поцелуев на шее Ци Цяньсюэ. Он протянул палец, словно рисуя их в воздухе, и его голос прозвучал через экран с легким шумом:

— Хозяин, в общежитии сейчас только ты один?

Ци Цяньсюэ инстинктивно взглянул на закрытую дверь ванной, прежде чем резко осознал, что происходит. Жар «взорвался» внутри него, и вскоре все его лицо стало розовым, как спелый плод, а мочки ушей покраснели до предела:

— Не называй меня так.

Его голос звучал слабо, с протяжным окончанием, словно каприз.

Цинь Цзыму смотрел на внезапно покрасневшее лицо Ци Цяньсюэ, его взгляд блуждал в неизвестном направлении, а губы сжались, словно он боялся, что кто-то услышит.

Его внутренний злодей активизировался:

— Я же твой пес, разве пес не должен называть тебя хозяином? — он сделал небольшую паузу.

— Или, может, женой?

Последнее слово было произнесено с особой нежностью, а улыбка на его лице стала шире.

— Цяньсюэ, ты хочешь быть хозяином пса или женой?

Ци Цяньсюэ замер, жар в ушах поднялся до неконтролируемого уровня, и он не мог решить, какое из этих обращений было более смущающим.

Дверь ванной открылась, и вышел Цзи Нин, глядя на Ци Цяньсюэ, который сидел на кровати, выставив ноги, но при этом выглядел так, будто только что вышел из сауны, с аккуратно подстриженными розовыми ногтями на ногах.

Цзи Нин, все еще влажный, спросил Ци Цяньсюэ, который, казалось, хотел спрятаться под кровать:

— Выключить свет?

— Нет... выключи, — Ци Цяньсюэ поспешно попытался завершить видеозвонок, боясь, что человек на другом конце скажет что-то еще более шокирующее.

Такие слова обычно можно было слушать, но если кто-то услышит — не подумают ли, что он тоже извращенец?

В панике он случайно нажал на кнопку голосового звонка вместо завершения.

Человек на экране исчез, и в тишине общежития раздался его голос.

[Жена. Моя, дорогая жена.]

Ци Цяньсюэ сжал округлые пальцы ног, его лицо покраснело до предела, и он хотел

провалиться сквозь землю.

Он поспешно отключил звонок.

И, пытаясь оправдаться, сказал:

— Я случайно нажал на видеозвонок.

При этом он помахал рукой перед лицом, чтобы снизить поднимающуюся температуру.

Цзи Нин, похоже, не поверил, но нажал на выключатель:

— Ложись спать.

— Угу, — Ци Цяньсюэ послушно кивнул.

Свет погас, и Ци Цяньсюэ, больше не сталкиваясь с неловкой ситуацией, вздохнул с облегчением, уменьшил яркость телефона и быстро отправил Цинь Цзыму сообщение.

[Идиот.]

[Если еще раз будешь лаять при других.]

[В черный список!]

Отправив это, он не стал ждать ответа и сразу же заблокировал телефон, чтобы лечь спать.

Возможно, из-за лекарства от простуды, на этот раз Ци Цяньсюэ спал особенно крепко, и проснулся только утром от звуков радиовещания, все еще в полусне.

В понедельник в школе проходила церемония поднятия флага, и Ци Цяньсюэ сидел на кровати, тупо глядя на Цзи Нина, который вышел из ванной.

Пуговицы на его пижаме были расстегнуты, и широкий воротник обнажал большую часть белого плеча.

Его кожа была бледной, и на ней легко оставались следы, но к утру красные пятна на шее стали бледнее. Он смотрел на Цзи Нина сонным взглядом.

Когда Цзи Нин протянул руку, он инстинктивно раскрыл руки.

Цзи Нин, казалось, немного удивился, взял школьную форму Ци Цяньсюэ, которую тот постирал и высушил накануне вечером, и начал одевать его.

Его рука коснулась белого округлого плеча, и кожа под ней была гладкой и нежной. Ци Цяньсюэ полулежал на Цзи Нине, все еще сонный, и даже не обратил внимания на то, что пуговицы на пижаме расстегнулись.

Цзи Нин почувствовал, как в некоторых неподходящих местах возникли странные ощущения. Ци Цяньсюэ сидел на кровати, и его голова лежала в очень удобном положении — прямо рядом с местом, где начинались изменения.

Он посмотрел вниз, и, поскольку Ци Цяньсюэ все еще не проснулся, его розовые губы слегка приоткрылись, словно он делал что-то неприличное.

Его пальцы дрожали, и он сильно прикусил внутреннюю часть щеки, почувствовав вкус крови во рту. Он бросил школьную форму и с трудом произнес:

— Одевайся сам.

Ци Цяньсюэ зевнул, некоторое время смотрел в пустоту, прежде чем его взгляд стал яснее, и он поднял брошенную на кровать форму.

Одеваясь, он вспомнил, как инстинктивно раскрыл руки, чтобы ему помогли.

Ци Цяньсюэ сжал пальцы ног, и ему стало стыдно за себя. Это было слишком, у него же есть руки.

К счастью, Цзи Нин тоже почувствовал, что это неправильно, и нашел предлог уйти.

Медленно одевшись, он встал, чтобы пойти в ванную, но дверь была закрыта. Ци Цяньсюэ постучал:

— Цзи Нин, Цзи Нин, ты пользуешься ванной?

Он лениво прислонился к двери, и его голос был достаточно громким.

Из-за двери раздался стон.

Ци Цяньсюэ едва мог открыть глаза и снова постучал, на глазах появились слезы:

— Цзи Нин, если ты пользуешься, я пойду в другое общежитие.

В старшей школе Чунмин большинство общежитий были рассчитаны на двух человек, разделенных по полу, и на этих этажах жили только бета.

Подождав некоторое время и не получив ответа, Ци Цяньсюэ решил пойти в соседнее общежитие, чтобы воспользоваться ванной.

Щелчок, дверь открылась, и Ци Цяньсюэ обернулся, увидев Цзи Нина с мокрыми волосами, выходящего из ванной. На его лице были капли воды, а челка была зачесана назад. Его голос звучал так, словно он только что пережил что-то:

— Я только что помыл голову, можешь пользоваться.

Когда Ци Цяньсюэ и Цзи Нин добрались до спортплощадки, там уже собралось много людей.

В Чунмин церемония поднятия флага проходила только по понедельникам, и вся школа собиралась на спортплощадке. В остальное время не нужно было рано вставать на зарядку, и ученики разных классов обычно находились на разных этажах, далеко друг от друга.

Этаж, предназначенный только для омег, находился еще дальше, так как возраст вступления в брак был снижен до 18 лет, что совпадало с временем созревания желез омег. Чтобы предотвратить нежелательные связи между альфами и омегами, школа специально разместила омег как можно дальше от альф. Хотя школа в основном была довольно свободной и не оказывала большого давления, она не хотела разрушать чистую и приятную атмосферу кампуса.

Единственное время, когда можно было пообщаться с омегами, делало единственный ранний

подъем в понедельник не таким уж неприятным.

Ци Цяньсюэ и Цзи Нин пробирались через разные классы, идя вместе с толпой. В толпе их неизбежно толкали, но почему-то Ци Цяньсюэ сталкивался с другими гораздо чаще, чем остальные. Практически каждый третий человек, проходящий мимо, толкал его.

Но те, кто толкал его, быстро извинялись, и, глядя на него, краснели до шеи, чувствуя себя виноватыми.

— Извини, я не специально, — извиняющийся парень был симпатичным, похоже, бета, и он украдкой посмотрел на Ци Цяньсюэ, боясь, что тот разозлится.

Он впервые был так близко к кому-то и нервничал, даже не смея говорить громко.

Ци Цяньсюэ, который сначала был немного раздражен, увидев его, не смог сказать ничего обидного.

Раздраженно фыркнув, он высокомерно кивнул парню:

— Иди рядом со мной.

Он не верил, что, если с обеих сторон будут люди, его еще кто-то толкнет.

Парень, казалось, не мог поверить своим ушам, с удивлением указал на себя и, покраснев, спросил:

— Я, я могу?

Сказав это, он быстро опомнился, улыбнулся и встал рядом с Ци Цяньсюэ, так близко, что их школьные формы терлись друг о друга.

На таком расстоянии он почти мог почувствовать запах Ци Цяньсюэ.

В отличие от альфа и омега, от него пахло чисто, с легким ароматом апельсинового геля для душа, сладким и приятным.

Бета опустил голову, обнажив тонкую шею, а уши под челкой покраснели до предела.

Внезапно он почувствовал на себе неприятный взгляд и обернулся, встретившись глазами с другим бетой рядом с Ци Цяньсюэ.

Ци Цяньсюэ дружил только с бетой, и все знали, что другим он не особо улыбался.

Цзи Нин, увидев, что на него смотрят, уже собирался отвести взгляд.

<http://bllate.org/book/16294/1468564>